

ВЕЛИКІЕ СТРОИТЕЛИ РОССІИ.

4. Святой митрополитъ Алексѣй.

Святитель Алексѣй, въ міру Симеонъ-Елевѣерій, родился въ Москвѣ, въ девяностыхъ годахъ XIII столѣтія. Онъ былъ старшимъ сыномъ черниговскаго боярина Феодора Бяконта, переѣхавшаго на службу къ московскому князю Данилѣ Александровичу и занявшаго въ Москвѣ видное положеніе.

Воспреемникомъ Елевѣерія при крещеніи былъ сынъ Данилинъ, тогда еще юный Иванъ Калита. Съ самаго ранняго дѣтства будущій святитель жилъ вблизи семьи московскаго князя. Какія же впечатлѣнія дѣтства и ранней юности должны были стать для него особенно яркими? — Крѣпкая борьба Москвы съ Тверью, когда Юрій Даниловичъ и тверской князь Михаилъ Ярославичъ «сопростася о великомъ княженіи», когда они ходили въ Орду «въ спорѣ и въ брани велицѣ», когда «бысть замѣтна въ Суздальстей землѣ во всѣхъ градахъ». Эта борьба полна жестокости и заискиваній у хана. Убіеніе Михаила Тверскаго въ 1318 году татарами, убійство Юрія Московскаго въ 1324 году Михайловымъ сыномъ, Дмитріемъ Грозныя Очи. Ужасъ Русской Земли передъ татарами — «вѣружаются на люди твоя смиренныя, святителю преблажены Петре, сыны агаряны», пѣлось въ древнемъ канонѣ св. Петру митрополиту.

Итакъ, страшныя опасности для родной Москвы, а за нею для всей Земли Русской — вотъ съ чѣмъ вступалъ въ свою сознательную жизнь старшій сынъ боярина Бяконта. Дальше — правленіе въ Москвѣ его крестнаго отца, Ивана Калиты, который сначала замѣщалъ своего брата Юрія, отвлеченнаго другими заботами, а затѣмъ послѣ его смерти, самъ сдѣлался княземъ Московскимъ, а позднѣе и великимъ княземъ Владимірскимъ; и была «тишина» при немъ отъ татаръ для Московскаго удѣла и были лады съ Ордою. Да развѣ не открывало все это

глаза молодому Бякоптову сыну, москвичу, развитому и мыслящему, любящему свою Родину и столичный градъ ея,—на задачи ея князя и на обязанность помогать ему въ его дѣлѣ всѣми силами, для князя и для «православнаго христіанства», т. е. для народа?

На 20—21 году Елевѣерій постригся въ монахи, съ именемъ Алексѣя, въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ; это совершилось еще при митрополитѣ Петрѣ. Цѣлыхъ 20 лѣтъ проводить Алексѣи въ этомъ городскомъ монастырѣ, въ иноческомъ подвигѣ, въ чтеніи книгъ и самоуглубленіи: «начало премудрости, еже себя разумѣти», учила русская книжность, повторяя глубокую мысль древняго греческаго философа. По Богоявленскій монастырь не въ «прекрасной пустынѣ». Онъ въ самомъ городѣ Москвѣ. Его иноки постоянно видятъ князя и знаютъ объ его заботахъ; «жителейское море» шумить и плещетъ своими волнами у самыхъ монастырскихъ воротъ. Иноки постоянно видятъ и кормчаго корабля Русской Церкви, ея митрополита. Церковныя и земскія задачи и опасности всегда передъ ихъ глазами. А самъ тогдашній митрополитъ, святитель Петръ, отдавалъ свои силы не только Церкви; онъ совѣтовалъ и князю Москвы, которая, послѣ его кончины, молитвенно къ нему взывала: «избави присныи градъ свой Москву и князя побѣдителя сотвори на враги». Образъ св. Петра, подвижника, пастыря, молитвенника за Русь и Москву, совѣтника и «отца» ея князя, *радителя за «державу» ея* — долженъ былъ запечатлѣться у инока Алексѣя на всю его жизнь и стать для него образцомъ.

Преемникъ св. Петра на митрополичьей кафедрѣ, Феогностъ, родомъ грекъ, и князь Иванъ Калита—выдѣляютъ Алексѣя изъ рядовъ иноковъ московскихъ монастырей. Въ 1340 году, сразу послѣ смерти Калиты, при князѣ Семенѣ, онъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ митрополита, съ завѣдываніемъ митрополичьимъ судомъ и имуществами кафедры. Постоянно при митрополитѣ, Алексѣи въ средѣ греческаго окруженія Феогноста, усваиваетъ греческій языкъ, читаетъ греческія книги. Въ то же время онъ все больше и больше входитъ и въ земскія задачи митрополичьяго престола той эпохи, подходя къ нимъ не только какъ церковный дѣятель Русской епархіи греческаго патриархата, но и какъ русскій человекъ, москвичъ по рожденію. Конится опытъ жизни, опытъ церковнаго и земскаго дѣ-

ланія. Умъ собираеть наблюденія и знанія, сердце дѣлаеть свои горестныя и радостныя замѣты. Не даромъ въ русской письменности того времени читалось, что, сотворивши человекъ, Богъ «вложи ему очи видѣти и уши слышати и умъ свѣтовати». Жизнь подготовляла Алексѣя къ тому исключительно высокому положенію, которое онъ занялъ, ибо «на высокомъ мѣстѣ сидѣть — пространныя надобно очи имѣть», какъ говорилось въ русскомъ народѣ.

Въ декабрѣ 1350 года Алексѣи уже епископъ Владиміра Клязьменскаго. Онъ намѣченъ въ преемники митрополита Θεогноста, и московскіе послы отправлены въ Константинополь за согласіемъ на это патріарха. 11 марта 1353 года Θεогность скончался. На той же недѣлѣ умерли два сына великаго князя Семена. Прошло еще около шести недѣль, и «минувшимъ сорочинамъ» митрополита Θεогноста, «преставися» великій князь Семень Ивановичъ. Въ Москвѣ, какъ и вообще на Руси, свирѣпствовала чума, черная смерть — «тогда бяше многъ плачь зѣло и лютое кричаніе, съ горкимъ рыданіемъ: ктоже плакашеся своихъ мертвецъ, родители по чадахъ своихъ, а чада по родителехъ своихъ, и братья по своей братьи, а друзи по друзехъ, и жены по мужехъ своихъ и сердоболя вся по сродницехъ своихъ, прочіи бо вси плакахуся о душахъ своихъ».

Изъ Царяграда между тѣмъ, съ вернувшимися московскими послами, въ Москву былъ присланъ Алексѣю вызовъ пріѣхать для поставленія на митрополию всея Руси. Алексѣи отправился въ путь, а новый московскій князь, Иванъ Ивановичъ, использовалъ эту его поѣздку, поручивъ ему заѣхать въ Орду и исклопотать тамъ для него ярлыкъ на великое княженіе.

Почти два года продержали Алексѣя въ Константинополѣ на испытаніи. Дары громадной стоимости были доставлены изъ Москвы въ патріархію за поставленіе русскаго, а не грека, русскимъ митрополитомъ. Ихъ дѣйствіе присоединилось къ личнымъ достоинствамъ Алексѣя, и онъ получилъ отъ патріарха настоятельную грамоту на митрополию Кіевскую и всея Руси. Но патріархія не легко соглашалась на передачу ея въ руки русскаго человекъ — она была слишкомъ обширна, многолюдна и богата. Поставленіе Алексѣя было объявлено лишь исключеніемъ, которое на будущее время не можетъ считаться

прецедентомъ. Сверхъ того, новому русскому митрополиту было предписано прїѣзжать въ Константинополь каждые два года для полученія непосредственныхъ указаній патріарха, или, по крайней мѣрѣ, присылать за ними своего представителя. Въ Византіи отчетливо понимали опасность для нея новаго пути, по которому можетъ пойти дальнѣйшее развитіе Русской Церкви. «Священная христіанская политія», «христіанское общежитіе», какъ его понимали въ Византіи, требовало, чтобы всѣ епархіи Константинопольскаго патріарха были объединены однимъ высшимъ руководительствомъ, а націоналізація Русской Церкви шла въ разрѣзъ съ этимъ требованіемъ. Она должна была вмѣстѣ съ тѣмъ и грозить выходомъ многочисленной и многодоходной Русской митрополии изъ ряда епархій, на которыя назначались греческіе ставленники, а также уменьшеніемъ доходовъ самой патріархіи. Наконецъ, выросло опасеніе сліянія задачъ и цѣлей Русской Церкви и Русской Земли, или, по крайней мѣрѣ, Московскаго Княжества.

А послѣднее уже совершалось. Святитель Алексѣй становился *политическимъ руководителемъ Москвы*. Князь Семень Ивановичъ въ своей духовной наказывалъ своимъ братьямъ Ивану и Андрею: «слушали бы есте отца нашего, владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, — хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ». А великій князь Иванъ Ивановичъ, какъ говорятъ греческіе акты, умирая въ 1359 году, «не только передалъ на попеченіе митрополиту своего сына, но и вручилъ ему завѣдываніе всею властью, не довѣряя никому другому».

Сынъ великаго князя Ивана, Дмитрій, остался послѣ смерти своего отца девятилѣтнимъ ребенкомъ. Вскорѣ умерла и его мать, княгиня Александра. Онъ былъ «единъ въ области великаго княженія». Ему, будущему побѣдителю татаръ на Куликовомъ полѣ, замѣнили и отца, и мать — митрополитъ Алексѣй. Охрана жизни князя-ребенка и его воспитаніе, сохраненіе его удѣла и отстаиваніе его правъ — встали передъ митрополитомъ Алексѣемъ, какъ его обязанность. А рядомъ съ этимъ — управленіе Московскимъ княжествомъ среди опасностей, его тогда окружавшихъ. Первою изъ нихъ была возможность утраты великаго княженія. Между тѣмъ мысль о томъ, что великое княженіе есть преемственное, отъ Владимира Святого и Ярослава Мудраго, мысль о значеніи великаго князя для Русской Земли, — жила прочно, несмотря на то, что

фактически ея осуществленіе не удавалось изъ-за того, что враждебные другъ другу княжества-удѣлы вели каждое свою особую политику. И митрополитъ Алексѣй, стоя во главѣ тогдашняго правительства Москвы и объединивъ около себя его боярство, *отстоялъ великое княженіе за малолѣтнимъ своимъ питомцемъ-княземъ*. Хлопоты въ Ордѣ объ ярлыкѣ на великое княженіе, вооруженная борьба съ соперникомъ, Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ — все это было сдѣлано и пережито, и въ концѣ концовъ суздальскій князь «отступился великаго княженія князю великому Дмитрію Ивановичу» и послѣдній «сидѣ на великомъ княженіи, на столѣ отца и дѣда своего». Послѣ окончанія этой длительной борьбы суздальскій князь Дмитрій даже выдалъ свою дочь Евдокію замужъ за шестнадцатилѣтняго Дмитрія Московскаго.

Итакъ, первая задача была разрѣшена — великое княженіе осталось за московскимъ княземъ. Но за нею выступали другія. Вотчинно-удѣльный укладъ, въ которомъ жили тогдашня княжества, придавалъ имъ особые интересы, не слившіеся еще въ единый интересъ цѣлой Русской Земли. Они приходили въ столкновение и приводили князей къ соперничеству и борьбѣ. А между тѣмъ идея великаго княженія не умирала, какъ не умирало и *чувство единства Русской Земли*, хранимое и питаемое Русскою Церковью. Великое княженіе, силою исторіи, стало уже закрѣпляться за Москвою фактически, хотя только Дмитрій Донской передъ смертью, въ своей духовной, впервые объявилъ его своею «отчиною». Но въ дни св. Алексѣя это сознаніе не вылилось еще въ окончательную формулировку, которая только готовилась. И митрополитъ Алексѣй служилъ ея утвержденію, *и какъ іерархъ*, стоявшій во главѣ единой Русской Церкви, *и какъ политическій дѣятель Москвы*. Въ званіи митрополита онъ выступаетъ посредникомъ въ спорѣ тверскихъ князей, обратившихся къ его авторитету, и даетъ тверскому владыкѣ Василию благословеніе на переговоры съ ними. Въ 1367 году юный московскій князь, по совѣту святителя Алексѣя, заложилъ «городъ Москву камень», т. е. обратилъ московскій Крѣмль въ первоклассную крѣпость того времени. А въ 1368 году «князь великій Дмитрій Ивановичъ со отцемъ своимъ, преосвященнымъ Алексѣемъ митрополитомъ», пригласили «на Москву» тверского князя Михаила Александровича и учинили ему судъ «на миру въ

правдѣ». послѣ котораго «изымали» его и «поймали» бояръ, съ нимъ пріѣхавшихъ . . .

Въ Суздальской землѣ, споры Дмитрія и Бориса Константиновичей изъ-за Нижегородскаго княженія, послѣ смерти ихъ брата Андрея, вызвали посредничество Москвы. Послѣ неудачныхъ уговоровъ, митрополитъ Алексѣй примѣнилъ церковное оружіе къ утвердившемуся въ Нижнемъ князю Борису. Онъ присоединилъ Нижній Новгородъ и Городецъ къ своей собственной, митрополичьей епархii и послалъ преподобнаго Сергія звать Бориса на судъ великаго князя въ Москву. Борисъ отвѣтилъ отказомъ, и игумень Сергій, «по митрополичьему слову Алексѣеву и великаго князя Дмитрія Ивановича», заперъ нижегородскія церкви и воспретилъ въ нихъ богослуженіе. Къ этому церковному воздѣйствію присоединился походъ московской рати на Нижній, и Борисъ долженъ былъ смириться. Внутри самого Московскаго княжества стали ухудшаться отношенія великаго князя и его двоюроднаго брата Владиміра Андреевича изъ-за «удѣльныхъ» земель, и митрополитъ Алексѣй посредничалъ при заключеніи ими договоровъ. Такъ, въ междукняжескихъ столкновеніяхъ того времени, святитель Алексѣй стоялъ за московскимъ княземъ, *какъ его «отецъ», совѣтникъ и руководитель*, и весь свой громадный авторитетъ пастыря «православнаго христіанства» и главы русскаго епископата влагалъ въ дѣло установленія внутренняго мира на Руси, залогомъ котораго были: признаніе главенства великаго князя и мощь Москвы, становившейся ея центромъ.

Въ то время центръ политической и духовной жизни сѣверо-восточной Руси дѣйствительно переносился въ Москву. За московскимъ княземъ закрѣплялось великокняжеское достоинство. Со всѣхъ концовъ Русской Земли въ Москву давно уже съѣзжалось *боярство*, сливавшееся здѣсь въ правящій классъ и приносившее съ собою не только свой наследственный, вѣковой опытъ службы и свои силы, но и кровныя связи съ боярскими родами другихъ княжествъ. Это боярство постепенно проникалось интересомъ Москвы и ея князя. Не даромъ житіе великаго князя Дмитрія влагаетъ въ уста умиравшаго князя такія слова его къ своимъ боярамъ: «съ вами царствовать, Землю Русскую держахъ . . . великое княженіе свое велми укрѣпихъ, миръ и тишину Земли Русской сотворихъ,

отчину свою съ вами соблюдохъ. еже ми предасть Богъ и родители мои». Лучшіе и опытнѣишіе представители государственнаго дѣланія собрались уже въ Москвѣ. Она становилась и создательницею основныхъ *кадровъ военной силы* Русской Земли, а ея Кремль, обнесенный каменными стѣнами, сдѣлался главною русскою *крѣпостью*.

Въ то же время росло и *духовное значеніе Москвы*. Престоль митрополіи «Кіевской и всея Руси», фактически перенесенный въ 1299 году митрополитомъ Максимомъ во Владиміръ на Клязьмѣ изъ опустошеннаго татарами Кіева, былъ закрѣпленъ тамъ патріаршею грамотою 1354 года, хотя и съ оставленіемъ за Кіевомъ титулярнаго значенія митрополичьяго престола. Но митрополиты, со времени кончины святого Петра, канонизованнаго уже въ 1339 году, имѣли свое постоянное пребываніе въ Москвѣ. Она стала ихъ *резиденціей*, и это было окончательно закрѣплено митрополитомъ Алексѣемъ, занимавшимъ такое исключительное мѣсто въ ея правительствѣ. Число каменныхъ храмовъ и монастырей въ Москвѣ росло и росло. Уже при Иванѣ Калитѣ были построены каменные храмы во имя Спаса Преображенья, Іоанна Лѣтвичника («что подь колоколами»). Михаила Архангела и Успенія Богородицы. При князѣ Семенѣ они были расписаны иконными фресками. До митрополита Алексѣя въ Москвѣ были уже четыре монастыря: Даниловъ, Спасскій, Богоявленскій и Петровскій. Онъ построилъ еще четыре: Чудовъ или Чудовской (по преданію — на мѣстѣ ханской конюшни, подаренномъ ему исцѣленной имъ ханшею Тайдулою), Спасскій, Андрониковъ, Алексѣевскій (первый женскій монастырь въ Москвѣ) и Симоновъ. Продолжая дѣло св. Петра, митрополитъ Алексѣй заботливо обращалъ Москву въ городъ русской святыни, собраніе которой, какъ и собраніе Русской Земли, велось московскими князьями и русскими митрополитами.

Выроставшее значеніе Москвы, какъ общерусскаго центра, конечно, должно было обратить противъ нея всѣ центробѣжныя силы, которыя были тогда такъ велики еще на Руси. Онѣ дѣйствовали и въ отдѣльныхъ княжествахъ. Онѣ были заложены и въ тогдашнемъ собраніи Русской Земли около двухъ центровъ, Москвы и Литвы. Борьба Москвы съ отдѣльными русскими княжествами и съ Литвою была неизбѣжна. Особенно грозною являлась борьба съ послѣднею, ибо государ-

ственное объединение ею русских земель около себя отзывалось и в отдельных княжествах, давая им опору в противодействии общерусскому делу Москвы. В княжение Дмитрия Ивановича начались вековые столкновения с Литвою за русские земли, отчину Владимира Святого и Ярослава Мудрого. На литовско-русском престоле сидел тогда один из наиболее выдающихся литовских князей, сын Гедимина Ольгерд. Он явно ставил своею задачею соборание всей Русской Земли, иными словами — разрушение дела Москвы и торжество над нею. Но походы Ольгерда на Москву, с осадой ее, сожжением московских посадов, с личною опасностью для митрополита Алексея, в «градъ затворившагося», — не обратили, однако, Москвы во владение Ольгерда. Она отстояла и себя, и свое дело.

Соборание русских земель в Литовско-Русском государстве и борьба его с Москвою не могли не отражаться и на Русской Церкви. Возможно ли было сохранение ее единства при том *государственном* значении, которое она имела? Князь Галича и Волыни, Юрий Львович, еще в начале XIV столетия добивался в Царьградъ учреждения особой митрополии для своих владений. Съ захватомъ Галичины Польшею — вопросъ о выдѣленіи ее изъ состава митрополии «всехъ Руси» становился еще болѣе острымъ. Не могла мириться съ подчиненіемъ жившему въ Москвѣ митрополиту и верховная власть Литовско-Русскаго государства, особенно при митрополитѣ Алексѣѣ, руководителѣ московской политики, такъ опредѣленно шедшей по пути созданія на Руси единого великаго княженія. Ольгердъ оффиціально обвинялъ святителя Алексея въ томъ, что онъ «благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови» и не заботится о Западной Руси, его государствѣ. Жалуется патриарху и тверской князь Михаилъ Александровичъ на «посяганье» Москвы на Тверь и на отлучение его митрополитомъ отъ Церкви. Польскій король Казимиръ грозитъ насильственнымъ обращеніемъ своихъ русскихъ подданныхъ въ латинскую вѣру, если они будутъ оставаться подъ церковною властью митрополита Алексея. Патриархъ долженъ былъ напомнить послѣднему, чтобы онъ «назиралъ всю Землю Россійскую и имѣлъ ко всемъ князьямъ любовь и отеческое расположение, чтобы любилъ не нѣкоторыхъ только изъ нихъ . . . , но имѣлъ всехъ ихъ сынами своими и всехъ одинаково лю-

билъ». Но послѣдовать этому увѣщанію святитель Алексѣй *не могъ*. Онъ не могъ этого сдѣлать не только какъ москвичъ по «возлюбленному ему земному отечеству», но и какъ пастырь «православнаго христіанства», видѣвшій въ объединеніи Руси около Москвы *спасеніе отъ кровавыхъ воинъ между частями одного и того же русскаго народа*, и незыблемую основу для развитія и безопасности *національной Русской Церкви*. Патриархія уступила требованіямъ Ольгерда. Сначала для нѣсколькихъ литовско-русскихъ епархій, а затѣмъ и для всей «Малой Россіи», хотя и безъ Кіева, былъ назначенъ особый митрополитъ въ лицѣ Романа. Послѣ его смерти въ 1361 году, временно, митрополія «всѣя Руси» опять воссоединилась подъ церковною властью святителя Алексѣя. Но въ 1371 году для Галичины былъ возведенъ въ санъ митрополита епископъ Антоній, а въ 1375 году на Кіевскую и Литовскую митрополію былъ поставленъ Кипріанъ, съ оговоркою, однако, что онъ получитъ всю Русскую митрополію послѣ приближающейся уже смерти митрополита Алексѣя.

Какъ настоятель Русской Церкви, святитель Алексѣй долженъ былъ находиться въ сношеніяхъ и съ Ордою. Уже со второй половины XIII вѣка ханы выдавали свои ярлыки русскимъ митрополитамъ, утверждая права Русской Церкви. Въ самой Ордѣ жило такъ много христіанъ, что еще въ серединѣ XIII столѣтія въ ней была создана Сарская епархія Русской Церкви. Въ Сараѣ приходилось бывать митрополиту Алексѣю и по церковнымъ дѣламъ, и по дѣламъ Московскаго княженія. Въ 1357 году онъ отправился въ Орду по вызову хана Чанибека, для исцѣленія его ослѣпшей жены Тайдулы. Передъ отъѣздомъ святитель Алексѣй отиѣлъ молебенъ въ Успенскомъ Соборѣ, и во время богослуженія у раки святого Петра «свѣща сама о себѣ возгорѣся». Эту свѣчу митрополитъ, «раздробивъ», роздалъ «народу на благословеніе», а часть ея «воску» взялъ съ собою въ путь. Ханъ, вмѣстѣ со своими сыновьями, окруженный татарскими князьями и вельможами, встрѣтилъ святителя «съ великою честію», а ханша, уже видѣвшая его во снѣ, ожидала его съ изготовленными для него «ризми святительскими». Совершивъ «архіерейское молебное пѣніе» и возжегши свѣчу изъ взятаго съ собою воска отъ раки святого Петра, митрополитъ окропилъ святою водою ханшу, и слѣпая прозрѣла. Такъ описываютъ это исцѣленіе лѣтописцы и от-

дѣльными житія святого Алексѣя. Житіе даетъ и объясненіе этой поѣздки святителя. Не только угрозу хана великому князю Ивану «землю» его «илѣнить» въ случаѣ непріѣзда митрополита въ Орду оно упоминаетъ, но говоритъ, что ханъ и Тайдула имѣли въ святителя Алексѣя «вѣру, яко послушаетъ его Богъ молящася». Оно прибавляетъ и слова самого митрополита: «аще кто съ вѣрою просить, не презреть его Богъ».

Но святой Алексѣй, вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ и родной Москвѣ, закрѣпляя расположеніе къ ней въ Ордѣ. Это *не значило, конечно, что святитель примирился съ «агарянскою» властью*. Когда онъ умиралъ «въ старости честнѣ и въ старости глубоцѣ», 12 февраля 1378 года, онъ призвалъ къ себѣ великаго князя Дмитрія «и наказаніе его словесы духовными», а князь «любезно пріемлетъ въ сердца наказаніе словесъ отца своего и учителя». Что же было первымъ крупнымъ дѣломъ Дмитрія послѣ преставленія святого Алексѣя? — Походъ на «окаянныхъ» татаръ и пораженіе ихъ на Вождѣ 11 августа 1378 года, т. е. тотъ бой, который предварялъ Куликовскую битву 8 сентября 1380 года.

«Видѣвъ себе отъ старости изнемогша и къ концу ужъ приближающаяся», святитель Алексѣй былъ озабоченъ мыслью о своемъ преемникѣ на митрополитіи, которому онъ передастъ ее и свое церковное и русское дѣло. Кого же онъ имѣлъ намѣчать? — Того, кто былъ самымъ святымъ, самымъ чистымъ человѣкомъ во всей Русской Землѣ, — преподобнаго Сергія, игумена Троицкаго монастыря. Такъ часто бываетъ, что дѣятели боятся ставить около себя людей, равныхъ имъ или болѣе крупныхъ, чѣмъ они, по своимъ достоинствамъ и дарованіямъ, боятся сравненія себя съ ними. Святитель Алексѣй былъ чуждъ такой зависти, «мятежъ души подающей». Къ содѣйствію преподобнаго Сергія онъ постоянно обращался при своей жизни; его онъ, хотя и тщетно, убѣждалъ, приближаясь къ смерти, принять престолъ митрополита всея Руси. Не свою личность, а свое великое дѣло святителя и русскаго человѣка онъ всегда имѣлъ въ своихъ завѣтныхъ мысляхъ, и оно было сокровищемъ его жизни.

И. Лаппо.